

мысли, которую чрезвычайно важно развить и углубить. „Только критическая работа мысли на почвѣ культуры обуславливаетъ собою цивилизацію“, говоритъ П. А. Лавровъ въ своихъ знаменитыхъ „Историческихъ письмахъ“. А факторомъ цивилизації онъ считаетъ „личную творческую дѣятельность человѣка, вооруженнаго познаніями“, такую дѣятельность, когда знанія, наука становятся „орудіемъ совершенствованія человѣческой жизни“.

И если съ этимъ сопоставить роль книги, то совершенно естественнымъ является выводъ французскаго публициста Лабулэ: „Въ общей картинѣ цивилизації мѣсто cadaго народа опредѣляется количествомъ книгъ, которое онъ прочитываетъ“.

IV.

Изъ эволюціи книги.

Книга существуетъ съ незапамятныхъ временъ и прошла долгій путь историческаго развитія. Когда у первобытнаго человѣка появились первые проблески духовной жизни, онъ сталъ стремиться передать свои впечатлѣнія и мысли въ видѣ рисунка, еще очень наивнаго и несовершеннаго. Крупнымъ шагомъ впередъ было изобрѣтеніе значковъ, посредствомъ которыхъ можно было закрѣпить рѣчь, т.-е. письменъ. Въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ измѣнялся характеръ письменъ: то каждый значекъ соотвѣтствовалъ понятію, слову; то значекъ изображалъ слогъ, извѣстное сочетаніе буквъ; наконецъ, достигнуто было наибольшее усовершенствованіе—соотвѣтствіе значковъ тѣмъ звукамъ, изъ которыхъ слгается человѣческая рѣчь.

Древнѣйшимъ матеріаломъ для книги былъ камень, и письмена на немъ вырубали топоромъ. Постепенно для письма испробованъ былъ различный матеріалъ: древесная кора, листья, глиняные кирпичи, металлическія пластинки, навощенныя дощечки, шелковыя ткани и т. п. За три тысячелѣтія до нашего времени особенной популярностью пользовался папирусъ—тонкая бумага изъ растительныхъ волоконъ. На папирусѣ можно было писать лишь съ одной стороны, такъ какъ краска или чернила проходили насквозь. Папирусъ скатывался въ свитокъ, и такая форма книги держалась очень долго.

На ряду съ папирусомъ, — какъ полагаютъ, даже на почвѣ конкуренціи съ нимъ, — найденъ былъ болѣе плотный и прочный матеріалъ для письма — пергаментъ, кожаная бумага. Примѣненіе пергамента началось еще до Р. Х. и простиралось на всю эпоху средневѣковья. Пергаментъ выдѣлывался въ видѣ листовъ, которые перегибались вдвое и сшивались въ сгибѣ, а для бóльшей прочности еще покрывались толстымъ деревяннымъ или металлическимъ переплетомъ. Такая книга по внѣшнему облику уже приближалась къ современной, хотя отличалась болѣе крупными размѣрами и была довольно громоздкой.

Книгу приходилось писать, и это была медленная, кропотливая работа. Правда, искусство письма было доведено до большаго совершенства, особенно въ средневѣковыхъ католическихъ монастыряхъ. Книги носили художественный характеръ, благодаря красивой формѣ буквъ, изящнымъ заставкамъ и заглавнымъ буквамъ, миниатюрамъ, рисованнымъ отъ руки. Чтобы переписать книгу, требовались мѣсяцы, годы. Въ силу этого утрата книги могла быть очень чувствительной, подчасъ невоснаградимой. И для огражденія книгъ отъ пропажи въ средніе вѣка ихъ стали приковывать цѣпями къ пюпитрамъ и полкамъ. Такимъ образомъ, книга была узницей и томила въ оковахъ. Къ ней приходили жаждущіе знанія, но она сама свободно передвигаться не могла.

Тѣмъ не менѣе въ самой книгѣ крылся залогъ ея дальнѣйшаго развитія. Если мысль, воплощенная въ книгѣ, послужила основой научнаго знанія, зато и успѣхи науки помогли раскрѣпить духъ, сдѣлавъ книгу доступной для всѣхъ. Книга сбросила оковы и пошла гулять по свѣту съ тѣхъ поръ, какъ найденъ былъ способъ ея быстрого размноженія и удешевленія ея производства. Первымъ шагомъ къ этому было изобрѣтеніе книгопечатанія и тряпичной бумаги. Вначалѣ техника книгопечатанія была еще младенческимъ лепетомъ по сравненію съ нынѣшней, но все же книгѣ можно было предсказать огромную будущность, и недаромъ Викторъ Гюго вложилъ въ уста Клода Фролло слова: „это убьетъ то“ (*ceci tuera cela*), когда онъ указываетъ на печатную книгу и на соборъ Парижской Богоматери. Если великія произведенія архитектуры являлись воплощеніемъ народной мысли въ извѣстную эпоху, то на смѣну пришло болѣе могучее средство передачи мыслей и общенія людей

На протяженіи пяти вѣковъ совершилась громадная эволюція въ производствѣ книги: отъ Гуттенберговскаго ручного станка былъ сдѣланъ переходъ къ скоропечатной типографской машинѣ, а потомъ къ ротаціонной, которая развиваетъ колоссальную быстроту печатанія, выпуская, напримѣръ, въ часъ десятки тысячъ экземпляровъ большой газеты. Въ большихъ типографіяхъ ручной наборъ уже замѣненъ болѣе усовершенствованнымъ—машиннымъ. Для повторныхъ изданій, печатающихся безъ измѣненія, работа по набору упрощается изготовленіемъ стереотипа, когда съ первоначальнаго набора дѣлается слѣпокъ изъ бумажной массы (матрица), который для повторнаго изданія нужно только залить расплавленнымъ типографскимъ металломъ, чтобы изъ этой готовой формы снова получился тотъ же наборъ.

Къ типографскому дѣлу широко примѣняются графическія искусства и репродукціонная техника. Найдено множество практическихъ способовъ, чтобы изготовлять клише для печатанія иллюстрацій, черныхъ и цвѣтныхъ. Между прочимъ для печатанія въ краскахъ съ большимъ успѣхомъ стала примѣняться цвѣтная фотографія. Явилась возможность печатать художественныя изданія, улучшился внѣшній обликъ книги. Безконечно совершенствуется производство книги, и многія тысячи людей прилагаютъ къ этому свои усилія. И книга стала дешевой, что сильно способствовало ея распространенію.

И начался важный процессъ диффузіи, обмѣна, имѣвшій громадное значеніе для духовной культуры человѣчества: „свѣтъ знанія отъ ученаго льется въ народную массу, а народная масса предъявляетъ свои запросы, свои практическія требованія и будитъ мысль ученаго для работы. Конечно, такое взаимодѣйствіе ученаго и широкихъ массъ было бы немыслимо, если бы не существовало техническихъ средствъ для размноженія произведеній, созданныхъ ученымъ, писателемъ, поэтомъ, художникомъ, музыкантомъ“. („Итоги науки въ теоріи и практикѣ“, стр. 314).

Къ этому нужно присоединить широкое использованіе другихъ завоеваній техники—усовершенствованныхъ путей сообщенія, почты, телеграфа обыкновеннаго, подводнаго и беспроводнаго, телефона и т. д.—для созданія періодической печати, ежедневныхъ газетъ. Здѣсь человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ побѣдилъ пространство и время. Газета нынѣ стала неотъемлемой принадлежностью цивилизованной жизни, и создалась „великая

держава“—повременная печать, въ которой звучитъ голосъ всего міра, откликающійся на событія каждаго дня.

Какъ тяжело быть безъ газеты культурному человѣку, мы всегда чувствуемъ, если попадаемъ въ какое-нибудь изъ нашихъ захолустій, гдѣ почта получается далеко не каждый день и гдѣ пульсъ жизни еле-еле бьется. По личному опыту скажу, что, наоборотъ, я не испытывала отъ завоеваній культуры болѣе сильнаго впечатлѣнія, чѣмъ въ кругосвѣтномъ путешествіи, когда среди безбрежнаго океана на кораблѣ ежедневно печаталась газета, для которой вѣсти съ материка приносились радіотелеграфомъ.

Не такъ давно, въ 1914 году, незадолго до начала войны, въ Лейпцигѣ, центрѣ міровой книготорговли, устроена была грандіозная международная выставка книгопечатанія и графическихъ искусствъ. На ней произведенъ былъ „смотръ книгъ“ и тѣмъ самымъ представленъ былъ весь путь духовной культуры человѣчества. И этотъ апофеозъ книги свидѣтельствовалъ, что съ ея ростомъ растетъ цивилизація, съ ея гибелью можетъ рушиться культура.

Россія на лейпцигской выставкѣ показала, что по количеству и качеству книгопроизводства она занимала достаточно видное мѣсто (по числу ежегодно печатаемыхъ изданій—пятое въ мірѣ), хотя книгораспространеніе у насъ еще оставляло многого желать. Во всякомъ случаѣ мы могли гордиться дешевизной нашихъ классиковъ и популярныхъ книгъ, изяществомъ и доступностью цѣлаго ряда нашихъ художественныхъ изданій. Иностранцы вѣчно толпились въ русскомъ павильонѣ, особенно у нѣкоторыхъ витринъ, и съ боя раскупали народныя сказки съ иллюстраціями Билибина, дѣтскія книги съ рисунками Нарбута, Неручева, Полъновой, художественныя открытыя письма и т. д. И это было всего четыре года тому назадъ.

Тѣмъ трагичнѣе контрастъ нынѣшняго положенія книги у насъ, являющаго угрозу нашей культурѣ, и безъ того расшатанной войною и послѣдующими событіями. Мы переживаемъ форменный книжный голодъ, вызванный многими обстоятельствами. Началась убыль въ книгопроизводствѣ съ наступленіемъ бумажнаго кризиса: иныя бумажныя фабрики отъ насъ отошли, другія—эвакуированныя—не возобновляли работъ, не хватало сырья, бумага дорожала, выдѣлывалась въ недостаточномъ

количествъ и плохого качества. Оказывалось труднымъ переиздавать даже самыя необходимыя книги. Далѣе присоединился кризисъ типографскій: каждая мобилизація забирала массу квалифицированныхъ работниковъ, и работа въ типографіяхъ должна была либо итти замедленнымъ темпомъ, либо приостанавливаться, пока не придутъ новыя рабочія руки.

Съ наступленіемъ революціи издательство книгъ совсѣмъ замерло. Вся наличная бумага, всѣ типографскія силы шли на печатаніе политическихъ брошюръ, въ которыхъ ощущалась настоятельная потребность для разъясненія широкимъ массамъ цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ совершившимся переворотомъ, и на разнообразныя изданія политическихъ партій—газеты, листки и проч. Сейчасъ листопадъ политическихъ брошюръ,—среди которыхъ многія были составлены на-спѣхъ, кое-какъ, порою даже безграмотно,—прекратился, и во весь ростъ всталъ вопросъ: что же намъ дѣлать, когда у насъ теперь нѣтъ большинства даже самыхъ необходимыхъ книгъ, имѣвшихся раньше въ продажѣ и переиздававшихся по мѣрѣ надобности, и когда печатаніе новыхъ книгъ и перепечатка прежнихъ связаны съ огромными, подчасъ непреодолимыми трудностями?

Къ тѣмъ препятствіямъ въ дѣлѣ издательства, которыя возникли во время войны, за послѣдній годъ прибавились новыя, связанныя съ общимъ разстройствомъ государственнаго аппарата: развалъ желѣзнодорожнаго транспорта, повышеніе провозныхъ и почтовыхъ*) тарифовъ, разрушеніе банковскаго кредита, общее вздорожаніе жизни, отразившееся и на вздорожаніи всѣхъ матеріаловъ, паденіе денежнаго курса, громадное повышеніе въ оцѣнкѣ труда, особенно физическаго, и т. д. Смѣты на типографскія работы увеличились на 500, 800, кое-гдѣ даже на 1000 процентовъ.

Въ силу всего этого книжный рынокъ пополнялся весьма слабо, а между тѣмъ книжные запасы таяли и таяли. Торговля

---

*) Для сопоставленія укажемъ, что до войны пересылка книги въ полфунта вѣсомъ заказной бандеролью, наложеннымъ платежомъ стоила 25 коп., а при нынѣшнемъ небывало высокомъ почтовомъ тарифѣ та же пересылка обходится въ 1 р. 77 коп. Если принять во вниманіе, что книги теперь не доходятъ до провинціи иначе, какъ по почтѣ, то понятно станеть, какой огромный налогъ ложится на книгу, а слѣдовательно, и на культуру.

книгами шла очень бойко. Особенно много закупали их всякія просвѣтительныя организаціи. Милліоны книгъ увозились на фронтъ для просвѣщенія арміи, и, грустно сказать, изъ нихъ множество погибло при отступленіяхъ и при демобилизаціи арміи. Гибель книгъ вообще одно изъ безотраднѣйшихъ явленій послѣдняго года. Во время аграрныхъ безпорядковъ сожжены и уничтожены до тла многія цѣнныя бібліотеки, хранившіяся въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Въ городахъ вооруженныя столкновения и обстрѣлы умышленно или неумышленно наносили уронъ книгохранилищамъ. Тамъ и сямъ грабились и безъ всякаго толка реквизировались бібліотеки. Рѣдкія изданія, уники, иностранныя книги, дорогія гравюры употреблялись „на цыгарки“ или сжигались, какъ ненужный хламъ. Если же еще принять во вниманіе, что за время войны въ оккупированныхъ мѣстахъ осталась добрая половина книгъ, имѣвшихся въ русскихъ провинціальныхъ публичныхъ и академическихъ бібліотекахъ, то ясно станеть, какой страшный ущербъ понесла наша родина въ своихъ книжныхъ запасахъ. Возможно, что скоро у насъ нѣчего будетъ читать, потому что имѣющихся книгъ недостаточно для удовлетворенія и существующей, и растущей духовной жажды; кромѣ того, книги отъ усиленнаго употребленія изнашиваются; бумага послѣднихъ лѣтъ изготовлялась съ большимъ количествомъ древесныхъ примѣсей и очень хрупка, и книги, печатанныя на такой бумагѣ, весьма недолговѣчны.

Чтобы пополнить такую убыль, не говоря уже о нарастающемъ спросѣ, нужно громадное производство книгъ, а его нѣтъ. Для борьбы съ книжнымъ голодомъ, представляющимъ угрозу культурѣ, нужны мѣры государственнаго масштаба, а ихъ нѣтъ.

И въ то время, когда таетъ книжный рынокъ, безнаказанно развивается спекуляція книгами. Появляются книжныя „акулы“, скупившія нѣкоторыя необходимыя и ходкія книги. У букинистовъ, на уличныхъ лоткахъ или на Сухаревкѣ открыто продають, на примѣръ, трехрублевый „Энциклопедическій словарь“ Павленкова за сто рублей, „Среди книгъ“ Рубакина, 2 тома, стоившіе семь рублей,—за семьдесятъ пять руб. и т. д. Перецѣнивають прежде изданныя книги и притомъ по нѣсколько разъ даже крупныя издательскія и книгопродавческія фирмы. Нормы тутъ не существуетъ никакой: однѣ увеличиваютъ прежнія цѣны на пятьдесятъ процентовъ, а другія даже на двѣсти и триста

процентовъ, особенно если книги въ переплетахъ, хотя бы сдѣланныхъ еще до войны. Напримѣръ, въ изданіи Вольфъ есть небольшая книжка Васильева „Библиотечное дѣло“, напечатанная въ 1911—12 гг. и не только не представляющая ничего выдающагося, но и значительно устарѣвшая. Она стоила въ переплетѣ три рубля, а теперь издательствомъ продается въ томъ же, невозобновленномъ изданіи по двѣнадцати руб. экземпляръ. И сверхъ всѣхъ этихъ новыхъ цѣнъ, „въ виду накладныхъ расходовъ по перевозкѣ и доставкѣ“, книжными магазинами прибавляется еще двадцать пять процентовъ. Конечно, такое вздорожаніе книги тяжелымъ бременемъ ложится на потребителя-читателя и, можетъ быть, еще тяжелѣе отзовется на всей русской культурѣ. И все-таки книги покупаютъ по какой бы то ни было цѣнѣ, все равно какъ по какой бы то ни было цѣнѣ покупаютъ муку у мѣшечниковъ. „Не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ“ даже въ наше голодное время. И, несомнѣнно, спросъ на книгу (настоячиво спрашивается именно книга, а не брошюра) при той болѣзни, которою больна наша родина,—благопріятный симптомъ. „Охоту читать“ надо привѣтствовать, ей нужно итти навстрѣчу.

Но что же сдѣлано у насъ въ этомъ направленіи? Принимаются ли мѣры для охраны библиотекъ, какъ необходимыхъ для страны книжныхъ коллекцій? Нѣтъ. Ведется ли борьба съ книжной спекуляціей? Нѣтъ. Поощряется ли книгопроизводство? Нѣтъ. Былъ ли созванъ какой-нибудь съѣздъ для выработки мѣръ по борьбѣ съ книжнымъ голодомъ? Тоже нѣтъ.

Единственной мѣрой, пока предложенной Россіи, является правительственная монополія изданій нашихъ классиковъ и проектъ „реквизиціи всѣхъ переводовъ“, какіе будутъ признаны нужными для изданія. Однако, эта мѣра, несомнѣнно, никакихъ серьезныхъ результатовъ дать не можетъ. Во-первыхъ, не въ однихъ только классикахъ нуждается Россія. Во-вторыхъ, правительственный печатный станокъ не успѣваетъ даже изготовлять достаточнаго числа кредитныхъ билетовъ, которые легче транспортировать по странѣ, чѣмъ книги. Слишкомъ великъ книжный голодъ, чтобы его можно было утолить изъ одного источника, и сколько бы экземпляровъ даже тѣхъ же классиковъ ни печаталось въ центральномъ пунктѣ, ихъ не будетъ достаточно. Получится лишь голодный книжный паекъ. Другое

дѣло, если бы правительство взялось за изданія, не объявляя никакой монополіи, и въ то же время такъ или иначе озаботилось бы облегченіемъ всякаго рода издательской дѣятельности въ странѣ. Тогда оно создало бы нормальную и разумную конкуренцію, т.-е. необходимый и цѣлесообразный пріемъ для обузданія спекуляціи. По прежнимъ законамъ, когда исполнялось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти автора, кончалось право литературной собственности на его сочиненія. Достаточно вспомнить, какъ у насъ такія даты по отношенію къ Пушкину, Гоголю, Жуковскому и др. вызвали появленіе великаго множества изданій не только въ столицахъ, но и въ провинціи, по всему лицу Россіи, и какъ именно эти конкурирующія между собою дешевыя и децентрализованныя изданія помогли провести произведенія этихъ писателей въ широкія массы.

Но если проектъ монополіи классиковъ не имѣетъ подъ собою основаній для практическаго успѣха, то съ другой стороны онъ страдаетъ этической погрѣшностью. Литературная собственность на произведенія національныхъ авторовъ, по истеченіи извѣстнаго срока, становится собственностью націи. Смысль этого закона, принятаго во всѣхъ культурныхъ странахъ, тотъ, что авторское право въ національныхъ интересахъ раскрѣпощается, что отсутствіе авторскаго гонорара и возможность многочисленныхъ конкурирующихъ изданій способствуютъ распространенію данныхъ сочиненій. А упомянутый прое́ктъ самъ представляетъ не что иное, какъ закрѣпощеніе.

На первомъ мѣстѣ въ опубликованномъ списокѣ писателей, подлежащихъ монополюному изданію, стоитъ Л. Н. Толстой. Кто далъ право нарушить волю великаго писателя земли русской, который еще при жизни добровольно отказался отъ своей авторской литературной собственности и сдѣлалъ свои геніальныя творенія общимъ достояніемъ? Въ списокѣ значится между прочимъ и А. П. Чеховъ, со смерти котораго прошло всего пятнадцать лѣтъ; слѣдовательно, литературныя права на его произведенія реквизируются у его наслѣдниковъ. Все это—этические моменты.

Наконецъ, какъ мѣра борьбы съ книжнымъ голодомъ, изданіе нѣкотораго количества книгъ, хотя бы и повсемѣстно въ Россіи, хотя бы и всѣми существующими издательствами, обще-

ственными организаціями и правительствомъ, можетъ быть лишь звеномъ въ общей цѣпи мѣропріятій. Издательство—это лишь часть книгопроизводства, которое включаетъ также фабрикацію бумаги, красокъ, типографскихъ и другихъ машинъ, печатное дѣло и т. д. И упорядоченія, нормировки тѣхъ или иныхъ поощрительныхъ мѣръ (напр., таможенныхъ, провозочныхъ, почтовыхъ тарифовъ и др.) требуетъ все производство въ цѣломъ.

Далѣе идетъ другая не менѣе важная сторона—книгораспространеніе. Мнѣ вспоминается выразительная діаграмма на лейпцигской выставкѣ: вѣсы—на одной чашѣ колоссальный океанскій пароходъ съ грузомъ, на другой тюки книгъ, символизирующіе отправку съ лейпцигскаго книжнаго рынка за 1913 г. Тюки перетягиваютъ, ихъ вѣсъ 67 милл. килограммовъ, т.-е. $4\frac{1}{2}$ милл. пудовъ. Рядомъ карта полушарій: въ точкахъ, обозначающихъ Берлинъ и Пекинъ, воткнуты булавки, три раза обмотанныя шнуркомъ. Поясненіе къ этому: на обвязку упомянутыхъ книжныхъ грузовъ, отправленныхъ изъ Лейпцига въ 1913 году, израсходовано 28.000 километровъ (около 27.000 верстъ) веревки, т.-е. такое количество, которымъ можно трижды опоясать разстояніе отъ Берлина до Пекина. Какой успѣхъ могло бы имѣть издательское дѣло въ любой странѣ при отсутствіи книгораспространительнаго аппарата? А у насъ онъ теперь почти отсутствуетъ, и въ этомъ направленіи тоже никакихъ реформъ не предпринимается.

И параллельно съ тѣмъ, что у насъ разрушаются годами собиравшіяся книжныя коллекціи, тоже приходится съ горечью сопоставить, что въ Лейпцигѣ уже во время войны создано грандіознѣйшее національное книгохранилище — Deutsche Bücherei, — для котораго выстроено небывалое по размѣрамъ библиотечное зданіе. Виды и описаніе этого зданія помѣщены въ американскомъ „Library Journal“, 1916, № 12.

Нашей странѣ необходимо напрячь всѣ силы, чтобы встать на путь культуры, — единственный путь, который можетъ повести ее къ возрожденію. И во имя культуры нужно энергично бороться съ книжнымъ голодомъ и со всѣми его послѣдствіями. Пока для этого все-таки ничего не сдѣлано. А печатное слово—сѣмена культуры—все убываетъ. Книгъ выходитъ мало, и онѣ непомерно дороги; журналы, не выдерживая расходовъ, закры-

ваются одинъ за другимъ; а надъ газетами все рѣютъ свинцовыя тучи репрессій и гоненій...

V.

Тернистый путь.

Чудесный даръ слова, отличающій человѣка отъ другихъ живыхъ существъ, есть воплощеніе мысли и данъ ему на служеніе разуму, чувству и волѣ. „Слово было къ Богу, и Богъ былъ Слово“.

Оно всегда выражало стремленія, исканія, порою въ немъ звучало обличеніе и протестъ,—и за это человѣка стали преслѣдовать его ближніи, которому хотѣлось верховодить, которому нужно было безропотное, безсловесное подчиненіе.

Слово устное запечатлѣвалось въ книгѣ, и съ человѣка на книгу перенесли свою ненависть преслѣдователи.

Въ точности неизвѣстно, когда начались гоненія на книгу. Первый случай, о которомъ упоминаетъ исторія, это публичное сожженіе книгъ философа Протагора на площади въ Афинахъ въ 411 году до Р. Х. Быть-можетъ, бывали гоненія и раньше,—мы не знаемъ,—но знаемъ твердо, что съ той поры и до нашихъ дней книга прошла долгій тернистый путь, извѣдавъ всю ту участь, которая выпадала на долю гонимаго человѣка. Книга знавала преслѣдованія, судъ, тюрьму и пытки, костеръ, позорный столбъ, изгнаніе и казнь...

Свободное слово, безсмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во мракѣ былого —
Ты въ рабствѣ томилось въ теченье вѣковъ,
На пыткѣ, въ темницѣ, подъ гнетомъ оковъ.
Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сжигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча...

(О. Чюмина. Изъ сб. „Въ защиту слова“).

Все-таки въ древности книга не подвергалась такимъ ужаснымъ гоненіямъ, какія ей пришлось испытать въ средніе и новыя вѣка. Въ сѣдую старину даже проповѣдывалось уваженіе

къ слову. „Книга мудрости“ Кагемна, созданная въ Египтѣ за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени, давала такое наставленіе: „нужно книгу носить при себѣ и постоянно ее перечитывать; это лучший бальзамъ для человѣческой души“. По словамъ историка Діодора, за тысячу лѣтъ до Р. Х. близъ Оивъ основана была публичная библіотека, на дверяхъ которой красовалась надпись: „лѣкарство души“. Римляне прославляли Азинія Полліона, основателя первой въ Римѣ публичной библіотеки (въ 39 г. до Р. Х.) за то, что онъ „первый сдѣлалъ произведенія человѣческаго ума общественнымъ достояніемъ“.

Въ средневѣковой Европѣ съ гоненіемъ на книгу раньше всего выступила католическая церковь. Книгопечатаніе распространялось довольно быстро, и къ концу пятнадцатаго вѣка уже около 200 городовъ имѣли свои типографіи. Церковь сначала покровительственно относилась къ печати, какъ средству размноженія священныхъ книгъ, но когда при помощи печатнаго станка увидѣли свѣтъ и еретическія писанія, то церковь ополчилась противъ книги. Епископы стали требовать на предварительный просмотръ каждое произведеніе, предназначавшееся къ печати, чтобы оно не оказалось „опаснымъ ядомъ“. Такимъ образомъ, это духовные пастыри придумали предварительную цензуру, раздѣлили книги на овецъ и козлищъ, примѣняя къ однимъ „дозволено“, къ другимъ—„запрещено“. Католическая церковь первая измыслила „списокъ запрещенныхъ книгъ“ (*index librorum prohibitorum*), державшійся до девятнадцатаго вѣка и вызвавшій въ свое время не мало подражаній.

Папство обладало огромной силой и стремилось наложить свою власть не только на духовную жизнь народовъ, но также на всѣ государственныя и экономическія отношенія. Оно рѣшало судьбы королей и министровъ, основывало или разрушало государства и всѣми мѣрами поддерживало свое могущество. Противники папской политики со своей стороны стремились разяснить „истинное слово Божіе“ и для этой цѣли прибѣгали къ печати. Такъ, напримѣръ, „богемскіе братья“, предписывавшіе духовенству бѣдность (въ противовѣсъ накопленію церковныхъ имуществъ католической церковью), быстро овладѣли искусствомъ книгопечатанія, и въ началѣ XVI вѣка изъ пяти типографій, имѣвшихся въ Богеміи, три принадлежали богемскимъ еретикамъ.

Папская власть стремилась всячески противодействовать распространению „вредных“, съ ея точки зрѣнія, ученій и для этого уже съ 1501 года ввела духовную цензуру сначала въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ провинціяхъ, а затѣмъ во всей папской области. „Отнынѣ и впредь, на вѣчныя времена“, гласилъ указъ папы Льва X, „никто не смѣетъ ни въ Римѣ, ни въ какихъ-либо другихъ городахъ напечатать какую-либо книгу иначе, какъ по тщательномъ разсмотрѣніи и собственноручномъ подписаніи одобренія нашего викарія“. А мотивъ выставлялся слѣдующій: „При тѣхъ удобствахъ, какія божественное искусство книгопечатанія дало для пріобрѣтенія знанія, нашлись нѣкоторые лица, злоупотребляющія этимъ изобрѣтеніемъ и примѣняющія во вредъ человѣческому роду то, что предназначено къ просвѣщенію“. Конечно, не охраною интересовъ просвѣщенія руководились папы, обрушиваясь противъ книгъ: преслѣдовалось, и притомъ чрезвычайно упорно, все то, что могло подрывать престижъ папской власти. Достаточно сказать, что когда въ въ шестнадцатомъ вѣкѣ во Францію, вмѣстѣ съ реформаціей, проникли новыя ученія противъ папской власти, то папы предлагали, въ видѣ радикальной мѣры,—совершенно уничтожить книгопечатаніе. И все-таки папству при всѣхъ ужасахъ инквизиціи и при всѣхъ изощреніяхъ цензуры не удалось убить реформаціи: какъ явленіе живое и жизненное, она проложила себѣ путь и сдѣлала свое дѣло.

Примѣръ папской власти не замедлилъ вызвать подражаніе, и въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Германіи, въ Англіи и во Франціи королевскими законами была установлена предварительная цензура. Духовенствомъ въ первое время преслѣдовались самыя книги—предавались проклятію, сжигались, выставались къ позорному столбу и т. д. Затѣмъ гоненія были перенесены съ книгъ на людей—на тѣхъ, кто ими владѣлъ, и особенно на тѣхъ, кто ихъ печаталъ. Авторы и издатели въ ту эпоху даже не такъ сильно подвергались карѣ, какъ типографы. Свѣтская власть ограничивала число типографій, чтобы легче было слѣдить за тѣмъ, что печатается и что распространяется. Предварительная цензура задерживала произведенія, „противныя доктринѣ и дисциплинѣ ... церкви или государству, или правительству“ или заключающія „возмутительныя, еретическія или соблазнительныя мысли“. Разумѣется, толкованію цензуры предо-

ставлялся широкій просторъ. Нарушеніе законовъ о печати на-казывалось съ безчеловѣчной жестокостію. Въ лѣтописяхъ исторіи сохранился, напримѣръ, фактъ ужасной казни, которой въ семнадцатомъ вѣкѣ подвергнутъ былъ въ Англіи типографъ Твинъ за напечатаніе политическаго памфлета, недозволеннаго цензоромъ. Хотя Твинъ приводилъ въ свое оправданіе, что ему не было извѣстно содержаніе памфлета и отношеніе цензора, что крайняя нужда заставила его взяться за печатаніе ради заработка, судъ все-таки призналъ его виновнымъ. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни: его должны были повѣсить за руки, затѣмъ вскрыть ему животъ, выпустить внутренности, послѣ того четвертовать, отрубить голову и, разрѣзавъ тѣло на части, выставить ихъ въ различныхъ мѣстахъ для назиданія.... Это время было въ полномъ смыслѣ слова терроромъ для англійской печати.

Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ дѣло обстояло немногимъ лучше. Во Франціи въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка шли неумолимыя гоненія на писателей. Бокль отмѣчаетъ, что среди литераторовъ, подвергнутыхъ заключенію, штрафамъ, ссылкѣ, конфискаціи имущества и другимъ карамъ или насильственно вынужденныхъ отречься отъ того, что ими было написано, встрѣчаются имена почти всѣхъ французовъ, сочиненія которыхъ пережили тотъ вѣкъ, когда они были написаны. Въ ихъ числѣ такія знаменитыя имена, какъ Бомарше, Бюффонъ, Вольтеръ, Д'Аламберъ, Дидро, Мармонтель, Монтескье, Руссо и др.

Если папская власть предлагала упразднить книгопечатаніе, то королевская власть могла похвалиться не менѣе геніальнымъ проектомъ монополіи на печать. Въ королевской Франціи въ 1780 году, всего за девять лѣтъ до революціи, генеральный адвокатъ предложилъ „уничтожить всѣхъ издателей“ и не до-звolyть печатать никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ выпускаться исполнительной властью. Къ счастью для человѣчества, эти проекты остались проектами и не перешли въ без-умные опыты уничтоженія культуры.

Ничуть не лучше было положеніе печати въ Австріи и Гер-маніи, гдѣ она подвергалась усиленнымъ гоненіямъ даже въ пер-вой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Власти предержащія особенно боялись отголосковъ революціонныхъ движеній, происходившихъ

въ другихъ странахъ. Событія скрывались отъ публики или описывались въ тенденціозномъ освѣщеніи. Цензура дѣйствовала со всей строгостью и не пропускала такихъ „страшныхъ“ словъ, какъ „нація“, „конституція“, „свобода“. Лучшіе сыны своей родины покидали ее, чтобы „за рубежомъ“ писать статьи, гдѣ голосъ ихъ могъ звучать безъ принужденія. Къ такимъ добровольнымъ изгнанникамъ принадлежали Берне, Гейне и многіе другіе.

Берне не могъ безъ содроганія говорить о цензурѣ и въ 1819 г. писалъ: „Цензура—слово, которое самага легкомысленнѣйшаго, веселѣйшаго, беззаботнѣйшаго вѣтрогона превращаетъ въ меланхолика, серьезное размышленіе доводитъ до изумленія и ужаса, угрюмѣйшаго брюзгу заставляетъ раздражаться неудержимымъ хохотомъ“! Его особенно возмущало цензорское кромсаніе литературныхъ работъ: „Запрещеніе цѣлыхъ статей еще не такъ обременительно и мучительно, какъ исключеніе изъ статьи отдѣльныхъ фразъ и словъ, нарушающее общую связь, производящее безсмыслицу и ставящее редактора въ злополучную необходимость посягать на монополію полицейскаго правленія, т.-е. выражаться сквернымъ словомъ. Редакторъ замѣщаль вычеркнутыя цензоромъ мѣста точками или черточками и такимъ образомъ спасалъ честь своего ума и своего стиля. Цензура не сочла возможнымъ остановиться на этомъ: она стала сперва казнить ненавистныя для нея мысли, а потомъ и преслѣдовать ихъ даже въ могилѣ. Она убивала мои идеи и въ то же время запрещала мнѣ ставить надъ ними {надгробные памятники“.

Нѣсколько позднѣе Гейне острымъ словомъ заклеилъ цензуру: „Если бы у насъ запретить всѣ изданія, тогда въ цензурѣ не будетъ надобности“.

„Наши остряки принуждены воздерживаться отъ всякихъ намековъ на дѣйствительныхъ высокопоставленныхъ особъ“, писалъ Гейне, „и за это ограниченіе вознаграждаютъ себя нападеніемъ на театральныхъ королей и бутафорскихъ принцевъ. Не имѣя почти никакихъ политическихъ журналовъ, мы всегда были тѣмъ обильнѣе надѣлены безчисленнымъ множествомъ эстетическихъ газетъ, наполненныхъ пустыми сказочками и театральными рецензіями... Насколько подобное бумагомараніе мало удовлетворяло насъ, стало ясно послѣ іюльскихъ дней, какъ только, повидимому, было дозволено свободное слово и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ. Внезапно по-

явились газеты, разбиравшія хорошую или дурную игру не театральныхъ, а дѣйствительныхъ высокопоставленныхъ особъ, и не одна изъ этихъ послѣднихъ, забывшая свою роль, была освистана въ собственной резиденціи“.

Небезынтересно отмѣтить, что абсолютистъ въ душѣ кайзеръ Вильгельмъ II ненавидитъ все, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Гейне, и до сихъ поръ не допускаетъ постановки ему памятника въ Германіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ велѣлъ даже снять его статую на о-вѣ Критѣ, и по этому поводу сатирическій журналъ „Simplicissimus“ помѣстилъ такой рисунокъ: мраморный Гейне, изумленно разводя руками, стоитъ около мраморнаго кресла, съ котораго его согнали, а на креслѣ величественно возсѣдаетъ самъ Вильгельмъ.

Еще долго послѣ того какъ уничтожена была цензура, правительства, руководясь все тѣми же мотивами, преслѣдовали печать, хотя и на другой ладъ. Въ эпоху Наполеона III одинъ изъ его министровъ Руэръ изобрѣлъ взамѣнъ упраздненной предварительной цензуры систему предостереженія уже послѣ появленія произведеній въ печати. Эта травля повела къ тому, что печать стала говорить пониженнымъ тономъ, опасаясь репрессій, а многія изданія закрылись.

Въ Англіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ изобрѣтена была другая мѣра, чтобы прекратить доступъ свободному слову въ широкія массы населенія. Введенъ былъ особый штемпельный сборъ на газеты, удваивавшій стоимость номера, и налогъ на каждое печатаемое объявленіе. Штемпельный сборъ сдѣлалъ газету роскошью для мало обеспеченныхъ классовъ, и его совершенно справедливо называли „налогомъ на знаніе“.

Упомянутый выше Руэръ предложилъ ввести во Франціи такую же штемпельную систему не только на газеты, но и на небольшія книжки и дешевыя брошюры на политическія и экономическія темы. Эти мѣры, по его словамъ, могли дать двойную выгоду: во-первыхъ, увеличить государственный налогъ на шесть милліоновъ франковъ, во-вторыхъ, „спасти общество отъ тѣхъ преступныхъ ученій, которыя теперь дешевыя книжки распространяютъ по всѣмъ небольшимъ уголкамъ Франціи“.

Еще практиковалась одна мѣра стѣсненія печати—требованіе залога и притомъ довольно высокаго—до 140.000 франковъ, чтобы получить право на изданіе газеты. Эта мѣра была

въ опредѣленную цѣль: сосредоточить повременную печать въ рукахъ капитала. И недаромъ Ламенне, издававшій газету для народа, воскликнулъ: „Теперь нужно много, очень много денегъ, чтобы имѣть право говорить... Молчи, бѣднякъ!“

Въ культурныхъ странахъ тернистый путь печати теперь уже отошелъ въ область историческаго прошлаго, и слову предоставлена полная свобода. Во Франціи закономъ отмѣнены всѣ мѣры, ограничивавшія печать, и типографское, издательское, книгопродавческое дѣло не связано никакими стѣсненіями. Газеты и журналы основываются явочнымъ порядкомъ, и писать можно обо всемъ, никакія мнѣнія не считаются преступными. Въ Англіи нѣтъ никакихъ политическихъ постановленій о свободѣ печати, но печать тамъ пользуется такою свободою, какъ нигдѣ въ мірѣ. Въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ есть пунктъ, по которому Конгрессу запрещается издавать какіе-бы то не было законы объ ограниченіи печати.

Въ Германіи съ 1874 года закономъ установлена свобода печати, но были попытки ея частичнаго ограниченія. Такъ, въ 1878 году изданъ былъ „законъ-намордникъ“, который предписывалъ полицейскимъ учрежденіямъ „воспрещать всякаго рода произведенія печати, въ которыхъ появляются тенденціи къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя, могущія угрожать спокойствію“... Этотъ законъ былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ соціаль-демократической печати. Однако, за ближайшія двѣнадцать лѣтъ, несмотря на существованіе „закона-намордника“, число соціаль-демократовъ въ Германіи увеличилось въ три раза, и правительство, убѣдившись въ бесполезности этого закона, отмѣнило его.

Что касается Россіи, то здѣсь печать пережила всѣ виды гоненій, какія когда-либо существовали, да еще и сейчасъ продолжаетъ переживать свою Голгоу...

Уже со времени Петра Великаго установленъ былъ надзоръ за тѣмъ, чтобы въ книгахъ не печаталось ничего предосудительнаго, а при Екатеринѣ II вполнѣ организована была цензура, и начались репрессіи. Волна репрессій усиливалась каждый разъ, когда въ западной Европѣ вспыхивали революціонныя движенія. Съ эпохой великой французской революціи совпало преслѣдованіе Радищева, автора книги „Путешествіе изъ Петер-

бурга въ Москву“, въ которой рисовался ужасъ господствова-
вшаго тогда крѣпостного права. Радищевъ былъ приговоренъ къ
смертной казни, но казнь потомъ была замѣнена каторжной
тюрьмой, въ которой онъ томился десять лѣтъ, до смерти самой
императрицы. Почти одновременно съ Радищевымъ посаженъ
былъ въ тюрьму „сѣятель просвѣщенія“ Новиковъ, за то, что
въ своихъ журналахъ „Трутенъ“ и „Живописецъ“ онъ говорилъ
о больныхъ вопросахъ—о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ, о
народномъ невѣжествѣ, о взяточничествѣ чиновниковъ и т. д.

При николаевскомъ режимѣ цензура достигла невѣроятнаго
гнета, и опять-таки на ея усиленіи отразились зарубежныя рево-
люціи 30-го и 48-го годовъ. Цѣлому ряду вѣдомствъ дано было
право предупреждать и пресѣкать распространіе „предосуди-
тельныхъ“ идей. Создана была цѣлая система заставъ, черезъ
которыя должна была проходить мысль, подлежащая опубли-
кованію, и если не у одной, то у другой заставы она риско-
вала погибнуть, а такихъ заставъ извѣстный цензоръ Ники-
тенко въ своемъ дневникѣ указывалъ цѣлыхъ двѣнадцать. Въ
1848 году былъ вдобавокъ основанъ особый комитетъ „для
высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи
за духомъ и направленіемъ книгопечатанія“. Этотъ комитетъ
и двѣнадцать заставъ, преслѣдовавшихъ писателя и накладывавшихъ
„на уста его печать“, рушились только послѣ неудачъ
Севастопольской войны.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ—въ 1865 году—изданъ былъ
новый законъ о цензурѣ, и злополучная россійская печать опять
подвергнута была всевозможнымъ мытарствамъ. Была цензура
предварительная, не пропускавшая рукописей къ напечатанію,
и многое множество ихъ подверглось такой же участи, какъ
воспѣтая Некрасовымъ книга:

*Пропала книга! Ужъ была
Совесть готова—вдругъ пропала!
Богъ съ ней, когда идеѣ зла
Она потворствовать желала...
Но, можетъ-быть, она была
Честна... а такъ рѣзка, смѣла,
Двѣ—три страницы роковыя...
О, если такъ, ее мнѣ жаль...*

Прощай! горька судьба твоя,
Бѣдняжка! Какъ зима настанетъ,
За чайнымъ столикомъ семья
Гурьбой читать тебя не станетъ,
Не занесешь ты новыхъ думъ
Въ глухія темныя селеня,
Гдѣ изнываетъ русскій умъ
Вдали отъ центровъ просвѣщенія!
О, если ты честна была,
Что за бѣда, что ты смѣла?
Такъ рѣдки книги не пустыя...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль,
И, можетъ-быть, мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!..

И что только творилось въ области цензурныхъ разрѣшеній и запрещеній! Чуть ли не каждый фактъ носилъ анекдотическій характеръ, и все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глубоко тягостно для жизни и культуры.

Самъ цензоръ Никитенко указывалъ, какъ дѣйствовали его сослуживцы. Одинъ изъ нихъ, Ахматовъ, запретилъ, на примѣръ, печатаніе какой-то ариеметики потому, что между цифрами задачи былъ помѣщенъ рядъ точекъ, и въ этомъ цензоръ усмотрѣлъ затаенный злой умыселъ автора.

Цензора придирались къ словамъ, считали неуважительными такія выраженія, какъ „небесный взглядъ“, „божественный напитокъ“, „ангельская улыбка“, „мракъ царить“. У насъ, какъ и въ Германіи, кромсали фразы, выбрасывая отдѣльныя слова, и тѣмъ искажали смыслъ, а возстановлять то, что было вычеркнуто краснымъ карандашомъ цензора, нельзя было, подъ рискомъ большой отвѣтственности. Умудрялись искажать смыслъ даже „исправленіемъ“ отдѣльныхъ словъ, на примѣръ, въ газетѣ говорилось, что пріѣздъ губернатора былъ встрѣченъ равнодушно, а цензоръ исправлялъ: радушно.

То, что запрещалъ одинъ цензоръ, другой свободно пропускалъ; что разрѣшалось отдѣльному лицу, не разрѣшалось издательской фирмѣ или просвѣтительному обществу. Въ моей личной практикѣ въ 1904 году былъ такой случай: московскій цензоръ совершенно искалѣчилъ переведенный мною раз-

сказъ Уйда „Степь“, въ которомъ описывается стойкость дѣвочки, дочери революціонера, отказывающейся выдать отца, несмотря на пытки жандармовъ. Тогда издательство Сытина, у котораго долженъ былъ печататься этотъ разсказъ, поручило мнѣ послать его отъ себя въ какую-нибудь другую цензуру. Я по почтѣ послала его въ Петербургъ, гдѣ цензоръ благополучно его пропустилъ, и онъ былъ напечатанъ фирмою Сытина въ Москвѣ на основаніи „законнаго обхода“ московскаго цензора. Вотъ другой случай изъ моей практики, происшедшій годомъ или двумя раньше. Я принимала участіе въ комитетѣ Харьковскаго Общества Грамотности по изданію книгъ для народа. Между прочимъ комитетомъ подготавливалось изданіе цѣлой серіи брошюръ по сельскому хозяйству на украинскомъ языкѣ, который тогда подвергался особой немилости. Надо отдать справедливость, что брошюры были скучныя, и мы, члены издательскаго комитета, томились, слушая чтеніе ихъ въ нашихъ засѣданіяхъ. Но первая же рукопись: „О болячкѣ на картофелѣ“, посланная въ цензурный комитетъ, такъ и не вернулась обратно—цензоръ конфисковалъ ее, усмотрѣвъ въ ней иносказаніе...

Правда, писателямъ поневолѣ приходилось говорить эзоповымъ языкомъ, потому что своего, родного описывать не позволялось, и его преподносили лишь подъ видомъ сказокъ изъ чужой земли; но цензора такъ привыкли искать тайнаго смысла, что видѣли его вездѣ, даже и тамъ, гдѣ о немъ не было и помина.

Дѣло не ограничивалось, однако, предварительной цензурой, и, кромѣ нея, существовала цензура взыскательная, отливавшаяся то въ одну, то въ другую форму. Даже послѣ отміны предварительной цензуры въ 1905 году цензура взыскательная продолжала косить произведенія печати. Книга, напечатанная и свободно обращающаяся нѣкоторое время—мѣсяцы, даже годы,—вдругъ подвергалась запрещенію, и тогда предписывалось изымать ее изъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, иногда даже—отбирать ее у частныхъ лицъ. Запрещеніе могло быть троякое: по суду, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати и по усмотрѣнію мѣстной администраціи. Наибольшей тяжестью ложилось административное усмотрѣніе, потому что здѣсь толкованіе могло быть очень индивидуально. Одинъ администра-

торъ считалъ опаснымъ и вреднымъ то, что безпрепятственно допускалъ его предшественникъ или преемникъ. Въ одной губерніи изымались изъ обращенія книги, которыя безпрепятственно допускались въ другой. Если къ этому прибавить невысокое литературное образованіе большинства людей, рѣшавшихъ судьбу книги, то совершенно понятно станеть, какая получалась неразбериха. Въ Кіевской губерніи, на примѣръ, усердные представители реакціоннаго правительства изымали на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, въ которыхъ усматривали вредное направленіе, также изданія... Національнаго клуба.

Что же дѣлали съ изъятыми книгами, которыя конфисковались? Первоначально ихъ сжигали; но, оказалась ли эта процедура неудобной или же, по экономическимъ соображеніямъ, рѣшено было не уничтожать окончательно матеріалъ,—только потомъ стали ихъ крошить особыми машинами или варить въ котлахъ, чтобы снова пускать въ ходъ бумажную массу.

А сколько людей погибло за книгу, сколько у насъ было мучениковъ, расплачивавшихся тюрьмой и каторгой за свободное слово! Сколько молодыхъ жизней было сломлено ссылкой и другими репрессіями за то лишь, что у нихъ при обыскахъ находили какую-нибудь „недозволенную“ литературу.

Главнымъ образомъ, преслѣдовалась всякая критика существовавшихъ порядковъ, всякія „безсмысленныя мечтанія“ о реформѣ государственнаго строя и ужъ, говорить нечего,—все, что относилось къ социализму. Въ силу этого особенно страдала періодическая печать. Къ ней примѣняли всѣ мѣры, какія только когда-либо были измыслены въ области гоненій на свободное слово. Но, какъ говорилъ К. Аксаковъ, „свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ прикрываетъ ложь“, и подкладкою всѣхъ стѣсненій и гоненій печати было желаніе властей предержащихъ скрыть истинное положеніе вещей и упрочить свою силу какой бы то ни было цѣною. Цензура указывала не только о чемъ можно говорить, но и какъ говорить. Примѣромъ можетъ служить страшный голодъ 1891 года, унесшій въ могилу до полумилліона жертвъ. О надвигавшемся бѣдствіи, о его причинахъ и подлинныхъ размѣрахъ не позволялось говорить въ періодическихъ изданіяхъ, и официально у насъ числился только „недородъ“, а не тотъ ужасный голодъ, который можно было бы предотвра-

тить своевременными мѣрами, если бы объ этомъ не замалчивали передъ лицомъ всей страны.

Великомученица русская періодическая печать извѣдала всѣ притѣсненія, всѣ пытки, какія было возможно. То для открытія газеты требовался залогъ, какъ когда-то во Франціи, или „благонадежность“ редактора, то газеты безъ числа пріостанавливали или закрывали, то били ихъ по карману, воспрещая розничную продажу, налагая штрафы, то привлекали къ суду. Достаточно показательна слѣдующая таблица репрессій нашей печати за пять лѣтъ (1905—1910) ея безцензурнаго существованія*).

Общее число каръ	4,386.
Въ томъ числѣ случаевъ пріостановки повременн. изданій.	1,270.
Штрафовъ	1,058.
Случаевъ привлеченія къ суду редакторовъ. . .	1,526.
Судебныхъ приговоровъ	1,532.
Общая сумма штрафовъ	496,408.
Въ томъ числѣ судебныхъ штрафовъ.	21,538.
Въ томъ числѣ административныхъ штрафовъ. .	474,870.

Неудивительно, конечно, что мы по части періодическихъ изданій плетемся въ хвостѣ почти всѣхъ націй. По даннымъ швейцарскаго статистическаго бюро, которыя были изготовлены для лейпцигской выставки 1914 года, существуетъ такое распределение газетъ:

Въ Даніи одна газета приходится на 2112 жителей.	
„ Швейцаріи „ „ „ „	2363 „
„ С. А. Соед. Шт. „ „ „	4249 „
„ Германіи „ „ „	6672 „
„ Великобританіи „ „ „	10.669 „
„ Японіи. „ „ „	33.544 „
„ Россіи „ „ „	50.438 „

И превосходитъ Россію только Китай, гдѣ одна газета приходится на 2.680.000 жителей.

И все-таки во всѣ періоды гоненій печать, хотя и придушенная, не умирала, а продолжала такъ или иначе существовать. Она уходила въ подполье, уходила за-границу. У насъ

*) Изъ статьи А. Вентина въ журн. „Современный Міръ“, цитировано по брошюрѣ В. Львова-Рогачевскаго „Свободное Слово“. М. 1917.

были свои зарубежные Берне и Гейне, свои властители думъ, чьимъ голосамъ, звучавшимъ изъ другихъ странъ, внимала Россія,—Герценъ, Лавровъ, Кропоткинъ, Плехановъ и многіе другіе.

Закрытыя газеты начинали выходить подъ другими названіями. Взамѣнъ безвременно погибшихъ изданій то тамъ, то сямъ возникали новыя. Хоть и съ трудомъ, но уплачивались штрафы, и введена была своеобразная особенность—„редакторъ для отсидки въ тюрьмѣ“, на ряду съ редакторомъ фактическимъ.

Репрессіи особенно усилились въ годы войны, предшествовавшіе революціи, и насъ не миновали даже мракобѣсные проекты, на подобіе тѣхъ, которые западная Европа пережила вѣками раньше. Если во Франціи предлагалось уничтожить книгопечатаніе, если въ Германіи цензора не позволяли выставлять многоточіе на мѣстѣ вычеркнутыхъ ими фразъ, то у насъ представитель крайней правой въ Государственной Думѣ Марковъ 2-й выступилъ съ проектомъ уничтоженія бѣлыхъ мѣстъ (такъ называемыхъ „цензорскихъ лысинъ“) въ газетахъ, а заодно уже и самыхъ газетъ.

„Заполняй бѣлыя мѣста объявленіями — говорилъ онъ съ парламентской трибуны,—хотя бы о рощеніи волосъ, но не смѣй давать пустоты. (Голосъ слѣва: спасибо за совѣтъ). Да, господа, я иду дальше. Пустота должна быть запрещена. Болѣе того: если газеты будутъ продолжать мутить народъ, смущать армію, *закройте всѣ газеты до послѣдней, ни одной газеты не должно быть.*—(Смѣхъ слѣва)“.

Пришла революція. Всѣ ждали, что она принесетъ, вмѣстѣ съ деклараціей правъ человѣка и гражданина, желанную свободу слова устнаго и печатнаго, выведетъ ее изъ плѣна независящихъ обстоятельствъ. Уже съ 1-го марта свободная страна читала свободныя газеты и на разнообразныхъ митингахъ и собраніяхъ обсуждала вопросы текущаго момента. И въ одинъ изъ ближайшихъ дней (9 марта) русскими писателями было принесено привѣтствіе дѣятелямъ великой русской революціи, въ которомъ подчеркивалась роль русской литературы для освободительнаго движенія.

„...Не могутъ русскіе писатели просто присоединиться къ общему ликованію. Съ чувствомъ сладостнѣйшаго душевнаго удовлетворенія взираетъ русское литературное сознаніе на про-

исходящее и радостно ему видѣть, что пышно взошли теперь сѣмена, впервые брошенные именно русскою литературною мыслью. Установлено и никѣмъ не оспаривается то положеніе, что русская литература всегда была каедрой, съ которой раздавалось учительское слово, и звало всегда это учительское слово къ подвигу общественному и къ самопожертвованію. Писатель Радищевъ первый развернулъ въ Россіи знамя свободы. Первую оду вольности сложилъ Пушкинъ. Злая сатира Грибоѣдова и горькій смѣхъ Гоголя нанесли смертельные удары 'дореформенному строю, Гоголь же назвалъ братомъ ничтожнѣйшаго представителя соціального уклада нашего, и изъ этого вышелъ Достоевскій, пѣвецъ бѣдныхъ людей, заступникъ униженныхъ и оскорбленныхъ, проникновенно разглядѣвшій прекрасную чело-вѣческую душу на самой послѣдней, казалось, ступени паденія. Тургеневъ былъ апостоломъ освобожденія крестьянъ. Некрасовъ—истинный Тиртей русской революціи, на призывахъ котораго уже 60 лѣтъ воспитывается рядъ поколѣній борцовъ за свободу. Геніальная сатира Салтыкова сдѣлала русскую бюрократію всеобщимъ посмѣшищемъ. Революціонную русскую мысль, при ослѣпительномъ успѣхѣ которой мы теперь присутствуемъ, создали Бѣлинскій, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловскій. Разрушила твердыню лживаго офіціальнаго ханжества великая совѣсть Толстого. А зарубежная литература, созданная великими изгнанниками Герценомъ и Лавровымъ, несмотря на почти непреодолимыя трудности, съ которыми она проникала въ Россію, явилась могущественнѣйшимъ факторомъ русскаго освободительнаго движенія и основоположницею—въ лицѣ нѣкоторыхъ нынѣ здравствующихъ дѣятелей—цѣлыхъ эпохъ въ исторіи русской политической мысли“.

Заканчивалось привѣтствіе словами: „Долгіе годы отличительнымъ признакомъ русской литературы была Великая Печаль ея, пусть смѣнитъ ее теперь Великая Радость“.

Но не настала Великая Радость, не прекратилось гоненіе на печать, не кончился крестный путь свободного слова въ Россіи. Перемѣнились дѣйствующія лица, но роли остались тѣ же, и, по существу, преслѣдованія печати революціонной властью немногимъ отличаются отъ преслѣдованій самодержавнаго правительства. Въ Москвѣ 10 декабря 1917 года клубомъ писателей въ видѣ протеста издана была однодневная газета „Слову—свобода“, и

передовая статья ея, которая приводится ниже, такъ рисуеть создавшееся положеніе:

„Сегодня мы, писатели русскіе, — люди разныхъ фракцій, партій, теченій и направленій, люди разныхъ философскихъ и научныхъ міросозерцаній, объединились всѣ въ одномъ чувствѣ горячаго протеста противъ гоненій на печать, противъ покушеній на свободу слова, противъ новыхъ оковъ, налагаемыхъ на свободную идейную работу нашу.

Не разъ объединялись всѣ мы и раньше, чтобы спасти великое прекрасное достояніе мыслящаго человѣчества — право на свободу слова и печати, право говорить, думать и писать такъ, какъ велитъ совѣсть и разумѣніе наше, а не внѣшнее принужденіе, угроза наказаніемъ или боязнъ насилія моральнаго или физическаго. Но въ первый разъ раздается протестъ нашъ не по адресу вѣрныхъ служителей стараго самодержавія, а передъ лицомъ свободной Россійской Республики. Ей, Республикѣ Россійской, слагали мы пѣсни свои въ дни ея рожденія. Ее славили, ей поклонялись и ей обѣщали честно служить освобожденной мыслью нашей и словомъ нашимъ. Ей же несемъ мы и протестъ свой.

Великая французская революція оставила всему культурному человѣчеству заповѣди свободы, начертанныя въ ея деклараціи правъ человѣка и гражданина. И намъ, труженикамъ печати, завѣщано ею великое наслѣдство, которое мы обязаны блюсти, оберегать и охранять отъ всякихъ покушеній на него. „Свободное выраженіе мыслей и мнѣній есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка. Итакъ, каждый гражданинъ можетъ говорить, писать и печатать свободно, подвергаясь отвѣтственности за злоупотребленіе этой свободой только въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. „Такъ говорила она много разъ потомъ, въ теченіе этого столѣтія, снимала цѣпи рабства съ освобождаемыхъ народовъ. Такъ говорила она въ Россіи въ 1905 и въ 1907 году. И такъ будетъ говорить всегда, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ концахъ земного шара, гдѣ раздается благовѣстъ свободы и падаетъ произволъ, гдѣ личность человѣческая и ея свободное духовное развитіе становится самоцѣлью.

Но революціонныя заповѣди о правахъ человѣка и гражданина не сразу дѣлаются достояніемъ всѣхъ слоевъ и классовъ народа. То тутъ, то тамъ снова встаютъ передъ борцами за

свободу темныя силы, пытаясь отнять у нихъ завоеванныя цѣнности.

И Россійская Республика быстро сняла свой подвѣчный нарядъ. Торжественные дни ея побѣды смѣнились днями незабываемыхъ ужасовъ, днями кроваваго пира, насилій, гражданской войны и развала всей страны. Великія заповѣди свободы подвергаются сомнѣнію. И ненавистнѣе всѣхъ другихъ свободъ становится для новыхъ властителей надъ землей русской свобода слова, свобода печати...

Такъ было всегда, когда оступалась и падала революція, когда свободныя пѣсни ея не проникали глубоко въ душу пріившаго ее народа.

Оружіемъ и возстаніемъ снимаетъ революція лишь внѣшнія цѣпи. Но затѣмъ открывается передъ ней самый трудный этапъ борьбы. Нужно очистить душу народа отъ осколковъ разбишагося рабства. Нужно освѣтить темныя пропасти невѣжества народнаго и зажечь въ нихъ неугасаемый огонь любви къ свободѣ. Нужно изжить привычку къ насилію надъ личностью человѣческой и сдѣлать священной ея свободу.

Нужно привить уваженіе человѣка къ человѣку, нужно поднять цѣнность жизни человѣческой и борьбу оружіемъ за свои права и интересы замѣнить культурною борьбою общественныхъ силъ и свободныхъ мнѣній. Только тогда снова засіяютъ великія заповѣди свободы, и Россійская Республика не будетъ окутана мракомъ средневѣковья.

Мы, писатели русскіе, больше всѣхъ другихъ гражданъ русскихъ чувствуемъ на себѣ отвѣтственность за сохраненіе завоеваній русской революціи. На нашей обязанности лежитъ разоблаченіе дѣйствій насильниковъ и гасителей свѣта свободы, на нашей обязанности лежитъ свободная критика всѣхъ дѣяній, касающихся жизни нашей страны, на нашей обязанности лежитъ, наконецъ, просвѣщеніе темныхъ массъ народа нашего въ самые тяжкіе и смутные дни его исторіи.

Въ наши руки отдала революція великое орудіе свободы: мысль и слово. Никто не смѣетъ посягать на наши права. На всякое насиліе мы будемъ отвѣчать протестомъ. Мы не можемъ молчать. Мы будемъ говорить и бороться всѣми доступными намъ средствами и способами за свободу слова и печати и за

чавыми волосами и толстыми губами, и черноглазые итальянцы, и блѣлокुरые шведы, и поляки, и евреи, словомъ, представители всей той массы народностей, которая волною эмиграціи принесены въ Новый Свѣтъ и амальгамируются съ населеніемъ Соединенныхъ Штатовъ. За однимъ столомъ вы можете увидѣть мальчика въ бархатномъ костюмчикѣ съ дорогимъ гипюрнымъ воротникомъ, въ сопровожденіи гувернантки, а за другимъ— группу дѣтей въ скромныхъ ситцевыхъ платьяхъ, синихъ блузахъ и худыхъ башмакахъ.

Вотъ семилѣтняя дѣвочка съ трехлѣтней сестрой, которую не на кого оставить дома и надо взять съ собою въ библіотеку, а чтобы она сидѣла смирно и другимъ не мѣшала, ей даютъ смотрѣть картинки; а вотъ мальчикъ лѣтъ тринадцати съ вдумчивымъ серьезнымъ лицомъ, весь погружившійся въ книгу съ моделями аэроплановъ. Снабдить надлежащимъ чтеніемъ, удовлетворить эту огромную толпу дѣтей „всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній“—задача американскаго библіотекаря, задача не изъ легкихъ. Нужно, чтобы каждый читатель нашелъ свою книгу и каждая книга—своего читателя, нужно извѣстнымъ образомъ руководить чтеніемъ и въ то же время оставлять просторъ для индивидуальности ребенка.

Есть дѣти, преимущественно изъ зажиточной интеллигенціи, которыхъ приводятъ въ читальню родители или воспитательницы, усаживаютъ за столикъ и суютъ имъ въ руки книжку по своему выбору. Въ такихъ случаяхъ библіотекари не вмѣшиваются и родительскаго авторитета не оспариваютъ. Но остальная масса, т.-е. подавляющее большинство юныхъ читателей,—на ихъ попеченіи.

Первое основное руководство—это тщательный подборъ книжнаго состава библіотеки. Отъ дѣтскихъ библіотекарей требуется основательное знаніе дѣтскихъ книгъ, а, кромѣ того, для комплектованія существуютъ прекрасныя пособія. Слѣдующій шагъ—это систематическое распредѣленіе книгъ, выставки, рекомендательные списки, бюллетени и отчасти карточный каталогъ. Потомъ выступаетъ непосредственная помощь библіотекаря. Конечно, персоналъ бываетъ достаточнымъ по численности, въ соотвѣтствіи съ посѣщаемостью читальни, и каждый ребенокъ, входящій въ читальню, тотчасъ же привлечетъ вниманіе библіотекаря. Если ребенокъ маленькій или неопытный, то съ нимъ

сначала побесѣдуютъ, чтобы немного выяснить его духовную фізіономію, затѣмъ поведутъ къ шкафу, гдѣ находятся подходящія для него книги, и дадутъ на выборъ двѣ—три книги.

Принципъ такой, чтобы никогда не навязывать ту или иную опредѣленную книгу, а дать ребенку возможность сложить собственное сужденіе. Помогутъ маленькому читателю разъ, другой, а потомъ онъ понемногу приучится самъ находить свой шкафъ и выбирать себѣ оттуда книги. Разумѣется, малыши нарушаютъ порядокъ книгъ въ шкафу и еще не умѣютъ соблюдать общаго правила, чтобы вынутую книгу не ставить на мѣсто, а класть на столикъ. Но бібліотекари съ удивительнымъ терпѣніемъ сто разъ на день устанавливаютъ книги на мѣсто, не считая такой трудъ потеряннымъ, такъ какъ „развитіе независимой личности“ въ ребенкѣ у американцевъ цѣнится очень высоко.

Для дѣтей постарше помощь бібліотекаря заключается въ томъ, чтобы давать имъ отвѣты на разнообразные вопросы, возникающіе у нихъ въ связи съ чтеніемъ, и указанія, гдѣ найти книгу на интересующую ихъ тему.

Меня поражало, что не только въ городскихъ, но даже въ сельскихъ дѣтскихъ читальняхъ (какъ я видѣла, напр., въ Вестфильдѣ и въ Фредоніи) ребята обращаются къ бібліотекарямъ не съ безпомощной просьбой дать какую-нибудь „занятную“ или „хорошую“ книжку, какъ часто бываетъ у насъ, а съ опредѣленнымъ вопросомъ: „гдѣ мнѣ искать книги о Линкольнѣ“, „гдѣ стоятъ книги о слонахъ“, „въ какомъ шкафу повѣсти Олькотъ“, „къ какому отдѣлу относится книга Мэби Водяныя малютки“ и т. д.

Объясненіе такому явленію я нашла въ томъ, что американскія дѣти средняго и старшаго возраста вполнѣ даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они хотятъ прочесть. Помогаетъ этому школа и сотрудничество школы съ бібліотекой; помогаютъ общіе наводящіе приемы, какъ тѣ же выставки, бюллетени, рисунки и рекомендательные списки; помогаютъ „часы разсказа“, организуемые бібліотекой (о которыхъ рѣчь будетъ дальше), и клубы юныхъ читателей при бібліотекахъ.

Такимъ образомъ, руководство не ведется по какимъ-либо рецептамъ, и личность бібліотекаря не доминируетъ надъ вкусомъ дѣтей. Руководство ограничивается основными контурами, а детали предоставляются индивидуальному выбору ребенка.

Нельзя обойти молчаніемъ, что американскія библіотеки принимаютъ во вниманіе, въ какой удручающей обстановкѣ живутъ многіе читатели, и потому стараются создать для нихъ гигиеническія условія и удобства, которыхъ они не имѣютъ дома.

Въ новѣйшихъ помѣщеніяхъ стали дѣлать читальни на открытомъ воздухѣ, которыми пользуются въ лѣтнее время. Для этого служатъ террасы, балконы, дворики, какъ, напр., въ Бостонѣ. Устраиваются также читальни на крышахъ, пока, впрочемъ, очень немногочисленныя. Онѣ имѣются лишь въ Нью-Йоркѣ въ шести филиалахъ и проектируются въ Филадельфіи.

Собственно удивительно, почему для читаленъ пока такъ мало использованы крыши; между тѣмъ на крышахъ нерѣдко устраиваются лѣтнія рекреаціонныя площадки, а въ Чикаго на крышахъ помѣщаются многія народныя школы, и съ тѣхъ поръ, какъ это введено, значительно улучшилось здоровье учащихся дѣтей. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что дѣти въ своей домашней обстановкѣ иногда не имѣютъ возможности готовить заданные уроки, а нѣкоторыя дѣтскія читальни пошли имъ навстрѣчу, предоставляя для этой цѣли свои помѣщенія.

Читальня имѣетъ свой комплектъ книгъ, обособленный отъ абонементна. Во избѣжаніе формальностей и задержки, въ читальнѣ никакихъ записей не ведется. Все ограничивается наблюденіемъ дежурныхъ библіотекарей за дѣтьми.

Другое дѣло — абонементъ. Ни платы за чтеніе, ни залоговъ библіотека не взимаетъ, но отъ подписчика требуются двѣ вещи: 1) онъ долженъ расписаться въ особой книгѣ, что обязуется исполнять правила библіотеки и бережно обращаться съ книгами и 2) онъ долженъ представить поручительство.

Весьма характерно для Америки, что съ маленькими гражданами обращаются какъ съ взрослыми, и подпись они должны давать самолично. Предварительно въ бесѣдѣ библіотекари выясняютъ имъ, что подпись это — обязательство, и спрашиваютъ, понимаютъ ли они, что значитъ бережно обращаться съ книгами. Отвѣты подчасъ получаются очень курьезные. Дѣти объясняютъ, напримѣръ, что бережно обращаться значитъ „не давать груднымъ ребятишкамъ играть съ книгами“ или „не класть книгъ въ ящикъ со льдомъ *).

---

*) Въ Америкѣ ледъ — необходимая принадлежность обихода даже

Поручителями за дѣтей могутъ быть ихъ родители. Ребенку дается карточка съ текстомъ поручительства, а когда онъ ее принесетъ съ подписью отца или матери, то его принимаютъ въ число абонентовъ. На карточкѣ долженъ быть указанъ адресъ домашній и адресъ службы отца или матери. Это—извѣстная гарантія, чтобы разыскать подписчика на случай перемѣны квартиры.

Разыскать его бываетъ нужно въ случаѣ задержки книгъ, чтобы послать напоминаніе. Къ слову сказать, въ одной библіотекѣ—кажется, въ Спрингфилдѣ,—я видѣла напоминанія, посылаемые не родителямъ, какъ это дѣлается большинствомъ библіотекъ, а самимъ дѣтямъ, и воззваніе къ нимъ оказалось чрезвычайно успѣшнымъ.

Въ абонементѣ—такіе же шкафы съ книгами, какъ и въ читальнѣ. Во всѣхъ абонементахъ введенъ такъ называемый „открытый доступъ“ (open access). Шкафы отгорожены барьеромъ, къ которому посрединѣ примыкаетъ прилавокъ библіотекарей. Подписчикъ, входя, сдаетъ книги библіотекарю, и тогда его впускаютъ черезъ дверцу въ барьерѣ въ ту часть комнаты, гдѣ стоятъ шкафы.

Оріентироваться здѣсь такъ же легко, какъ и въ читальнѣ, и около шкафовъ такъ же дежурятъ библіотекари, которые всегда готовы помочь всякимъ совѣтомъ и указаніемъ.

Подписчикъ просматриваетъ книги, которыя его интересуютъ, останавливаетъ свой выборъ на какой-нибудь изъ нихъ и, проходя къ прилавку, даетъ ее записать. Тогда его пропускаютъ выйти черезъ другую дверь въ барьерѣ.

Прилавокъ обычно устроенъ „покоемъ“, и входъ—справа отъ прилавка, а выходъ слѣва. Если много подписчиковъ прошло къ шкафамъ, то дежурные приостанавливаютъ пропускъ, пока тѣ не выйдутъ.

„Открытый доступъ“ въ абонементѣ преслѣдуетъ ту же цѣль, какъ открытыя полки въ читальнѣ,—дать возможность свободного выбора непосредственно по книгамъ. Открытый доступъ, однако, не значитъ безконтрольный, какъ видно изъ

въ самой бѣдной семьѣ, и тамъ, гдѣ нѣтъ другого вмѣстилища, покупаемое на день количество льда держать въ простомъ ящикѣ.

Примѣчаніе автора.

сдѣланнаго выше описанія. Открытый доступъ не только улучшаетъ, но и ускоряетъ процедуру выдачи, такъ какъ при немъ отпадаетъ подыскиваніе книгъ по требовательнымъ листкамъ, отнимающее много времени.

Меня интересовалъ вопросъ, не бываетъ ли, что при самостоятельномъ выборѣ дѣти берутъ себѣ книги не по возрасту. Опытные библіотекари говорили мнѣ, что, по ихъ наблюденіямъ, дѣти сами не стремятся брать книгъ, которыя для нихъ трудны. Это скорѣе дѣлаютъ честолюбивые родители, которымъ кажется, что ихъ ребенокъ развитѣе другихъ сверстниковъ и можетъ читать книги болѣе трудныя.

Если случается, что ребенокъ выбралъ книгу не по плечу, то библіотекаръ говоритъ: „сядь и попробуй почитать ее здѣсь“. (Въ промежуткахъ между шкафами абонементнаго стола есть столики и стулья). Убѣдившись, что книга трудна, ребенокъ обыкновенно отказывается отъ нея. По словамъ американскихъ библіотекарей, такой способъ дѣйствительнѣе, чѣмъ прямой запретъ. Вообще же библіотекаръ провѣряетъ, какія книги выбраны дѣтьми, и это является коррективомъ.

Мнѣ говорили также, что при „открытомъ доступѣ“, когда ребенокъ имѣетъ возможность пролистать книгу, неудачный выборъ книги—явленіе гораздо болѣе рѣдкое, чѣмъ при исключительномъ пользованіи каталогами. Само по себѣ заглавіе не представляетъ достаточной характеристики; и, наконецъ, если книги даже расположены по возрастамъ, то дѣти сплошь да рядомъ выбираютъ ихъ не изъ той возрастной группы, къ которой принадлежатъ. Къ тому же группировка по возрастамъ еще не служитъ достаточнымъ мѣриломъ, такъ какъ дѣти одинаковаго возраста могутъ сильно различаться по развитію, не говоря уже о склонностяхъ и способностяхъ.

Въ Америкѣ существуютъ многочисленные „постепенные“ списки (graded lists) дѣтскихъ книгъ, приуроченныхъ къ отдѣленіямъ (классамъ) школы; но они предназначаются для руководителей дѣтскимъ чтеніемъ, а не для самихъ дѣтей.

Дѣтскія библіотеки стараются приучить дѣтей къ бережливому пользованію книгами. Библіотекари слѣдятъ за тѣмъ, чтобы у дѣтей руки были чистыя. Маленькимъ читателямъ въ бесѣдахъ выясняютъ, для чего и какъ надо беречь книги. Вообще библіотекари стараются больше всего вліять на дѣтей живымъ словомъ.

Въ одной библіотекѣ результатъ такихъ бесѣдъ сказанъ въ томъ, что дѣти по собственной инициативѣ (библіотека этого не требовала) стали въ дождливую погоду заворачивать въ бумагу книги, которыя берутъ изъ абонементъ.

Правила обращенія съ книгами также формулируются въ доступной дѣтямъ формѣ и печатаются на картонной закладкѣ, которая выдается каждому новому подписчику*).

Развитіе „дѣтскихъ комнатъ“ въ публичныхъ библіотекахъ С. Штатовъ пошло такими быстрыми шагами, что въ настоящее время отъ 25—35 % дѣятельности любой библіотеки падаетъ на дѣтское отдѣленіе. Напр., въ нью-іоркской публичной библіотекѣ съ ея филиалами (самой обширной въ Америкѣ) въ „дѣтскихъ комнатахъ“ имѣется 210.000 томовъ книгъ. За 1912 годъ во всѣхъ ея читальняхъ дѣтьми сдѣлано 1.229.000 посѣщеній, а изъ всѣхъ абонементовъ дѣтьми взято 2.900.000 томовъ, что составляетъ болѣе трети всѣхъ выданныхъ за означенный годъ книгъ.

Огромной популярностью въ дѣтскихъ библіотекахъ пользуется такъ называемый „часъ разсказа“. Въ Америкѣ разсказыванію придается огромное психологическое и педагогическое значеніе. На него смотрятъ, какъ на возрожденіе стараго, позабытаго искусства, которое въ теченіе вѣковъ было выразителемъ и хранителемъ духовныхъ цѣнностей народа**).

И этотъ методъ творческаго разсказыванія, надъ усовершенствованіемъ котораго въ Америкѣ много потрудились за послѣдніе годы, получилъ широкое примѣненіе въ школахъ, на дѣтскихъ площадкахъ и особенно въ дѣтскихъ библіотекахъ.

Исходя изъ біо-генетическаго принципа, что развитіе ребенка, какъ индивида, слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ развитіе коллектива (расы, народа, племени), разсказываніе стремится содѣйствовать развитію ребенка, обогащенію его духов-

---

*) Текстъ закладки для книги, пользующійся въ американскихъ дѣтскихъ библіотекахъ наибольшимъ распространеніемъ, напечатанъ въ моей книгѣ: „Руководство для небольшихъ библіотекъ“, 3-е изд. М. 1918.

**) Обстоятельное знакомство съ этимъ вопросомъ даетъ книга Э. Н. и Дж. Э. Партриджъ „Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома“ (американскій методъ творческаго разсказыванія). Пер. съ англ. съ 8 рис., 3-е изд. Т-ва „Міръ“. М. 1918. Ц. 4 р. 20 к. См. также мою статью: „Разсказываніе, какъ педагогическій методъ“. В. Воспит. 1914, февраль.

ной личности путемъ ознакомленія его съ произведеніями народнаго творчества въ томъ приблизительно порядкѣ, какъ они возникли.

Въ примѣненіи къ дѣтской библіотекѣ рассказываніе имѣетъ особенно важное значеніе: оно не только направляетъ чтеніе въ опредѣленное русло, не только содѣйствуетъ знакомству съ произведеніями художественнаго творчества и съ величайшими человѣческими идеалами, но также возбуждаетъ у юныхъ читателей интересъ, сближаетъ ихъ съ библіотекарями и вызываетъ на бесѣды, гдѣ выявляются ихъ индивидуальныя черты.

Бостонская библіотека въ своемъ отчетѣ за 1913—14 г. такъ опредѣляетъ значеніе рассказыванія:

„Часть рассказа въ живой увлекательной формѣ открываетъ дѣтямъ все, что есть лучшаго въ литературѣ. Воображеніе ребенка пробуждается, и онъ научается цѣнить то, что иначе осталось бы для него запечатанной книгой... Нужно видѣть, съ какимъ жаднымъ вниманіемъ дѣти ловятъ каждое слово рассказчицы, какъ у нихъ сверкаютъ глазенки и непрерывно мѣняется выраженіе лица, какъ глубоко они переводятъ духъ, — чтобы въ достаточной мѣрѣ оцѣнить, насколько важенъ этотъ методъ для ознакомленія дѣтей съ великимъ міромъ книгъ“... Упоминается также, что въ данной библіотекѣ „часть рассказа помогъ дисциплинировать мальчиковъ, которые довольно шумно держали себя въ дѣтской комнатѣ, а теперь стали неузнаваемы“...

Дѣти необычайно охотно ходятъ слушать часть рассказа, и, чтобы нѣсколько ограничить наплывъ въ одну аудиторію, иногда приходится раздавать билеты для входа.

Дѣтская библіотека обычно устраиваетъ „часть рассказа“ разъ въ недѣлю для группы отъ 30 до 100 человѣкъ. Чѣмъ меньше и однороднѣе группа дѣтей, тѣмъ лучше воспринимается рассказъ. Нѣкоторыя библіотеки время отъ времени организуютъ рассказываніе на иностранныхъ языкахъ для дѣтей иммигрантовъ, которыя еще не вполне освоились съ англійскимъ языкомъ.

Для развитія рассказыванія особенно много сдѣлала питтсбургская публичная библіотека. Она выработала методы рассказыванія и издала цѣлый рядъ пособій, изъ которыхъ отмѣчу: „списки для рассказыванія дѣтямъ до 12 лѣтъ“, „списки

для рассказыванія старшимъ дѣтямъ“ съ подробными библиографическими указаніями. По ея примѣру такой группировки придерживаются и другія бібліотеки.

Младшимъ дѣтямъ рассказываютъ преимущественно народныя сказки и легенды, а также рассказы изъ реального быта. Для старшихъ ведутся цикловые рассказы на сюжеты великихъ эпическихъ поэмъ.

Обычно послѣ рассказа является усиленный спросъ на книги, въ которыхъ можно прочесть то, что сейчасъ рассказывалось. И уже заранѣе приготавливаются на столѣ сборники сказокъ, входящихъ въ программу дня, такъ какъ ихъ потомъ будутъ разбирать нарасхватъ.

Въ бостонской бібліотекѣ мнѣ говорили, что въ „дѣтской комнатѣ“ недавно наблюдался слѣдующій фактъ: мальчикъ лѣтъ тринадцати спросилъ себѣ энциклопедическій словарь, который ему принесли изъ находящагося въ томъ же этажѣ общаго читальнаго зала. Онъ долго рылся въ немъ и что-то выписывалъ на бумажку, а возвращая словарь бібліотекаршѣ, сказалъ: „Я думалъ, что это выдумки про Агамемнона и Ахилла и Гектора, а они тутъ всѣ есть“. Оказывается, что онъ — посѣтитель цикла рассказовъ изъ Иліады и по словарю провѣрялъ имена героевъ, о которыхъ говорилось наканунѣ.

Рассказываніе требуетъ умѣнья, навыка и подготовки, поэтому „часть рассказа“ ведутъ лица изъ бібліотечнаго персонала, въ этомъ специализировавшіяся. Они же ведутъ рассказы въ многочисленныхъ дѣтскихъ клубахъ при бібліотекахъ.

Бібліотека поощряетъ организацію клубовъ и считаетъ полезнымъ приучать дѣтей къ коллегиальному управленію. Клубы устраиваются порознь для мальчиковъ и дѣвочекъ, такъ какъ ихъ литературные вкусы обычно не совпадаютъ. Основная цѣль клуба при бібліотекѣ—совмѣстное чтеніе по тому или иному вопросу. Есть клубы, посвященные драмѣ, американской исторіи, рассказамъ о краснокожихъ индѣйцахъ и т. д. Дѣти, члены клуба, выбираютъ изъ своей среды комитетъ, который вѣдаетъ составленіе программы для засѣданій. Въ программу входятъ, кромѣ чтенія, дебаты по поводу одного—двухъ злободневныхъ событій, декламація и рассказываніе.

Дѣтскія отдѣленія пріобрѣтаютъ рядъ читателей отъ сотрудничества публичныхъ бібліотекъ со школами. Сотрудничество

это двоякое. Во-первыхъ, школами періодически устраиваются посѣщенія бібліотеки. Мнѣ довелось видѣть, какъ въ одинъ изъ філіаловъ нью-іоркской публичной бібліотеки привели дѣтишекъ изъ народнаго дѣтскаго сада. Ихъ усадили за самыя маленькіе столы, передъ каждымъ положили книжку съ картинками, и учительницы вмѣстѣ съ бібліотекарями стали показывать имъ, какъ надо переворачивать страницы.

Дѣтей постарше учатъ, какъ пользоваться справочными изданіями—словарями, альманахами, энциклопедіями, какъ отыскивать книги въ каталогахъ и на полкахъ. Есть даже своего рода „бібліотечныя игры“ (найти книгу на такую-то тему или такого-то автора и т. п.), приучающія дѣтей къ бібліотечнымъ порядкамъ.

Во-вторыхъ, бібліотека снабжаетъ школы книгами. Этой работой уже завѣдуетъ не дѣтское отдѣленіе, а самостоятельный отдѣлъ бібліотеки, такъ какъ это—дѣло большое и сложное.

Въ школы, заявившія о своемъ желаніи пользоваться книгами бібліотекъ, отправляется для каждаго класса комплектъ, выбранный по указанію учительницы, если она пожелаетъ, а если нѣтъ,—то по выбору специалистовъ-бібліотекарей.

Лѣтомъ на каникулахъ кипитъ работа по заготовленію такихъ комплектовъ. Каждый изъ нихъ снабженъ соответственной описью и завернутъ въ бумагу, на которой обозначенъ адресъ. Комната бібліотекаря, гдѣ сложены эти тючки, напоминаетъ магазинъ, а въ сосѣднемъ помѣщеніи между шкафами снуютъ барышни со списками въ рукахъ и подбираютъ новые и новые комплекты.

Комплекты разсылаются въ особыхъ фургонахъ по школамъ на срокъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ и не болѣе учебнаго года. Возвращенный комплектъ можетъ быть обмѣненъ на другой. Питая школьныя бібліотеки, публичная бібліотека можетъ давать имъ обширный и разнообразный составъ книгъ, такъ какъ каждымъ комплектомъ поочередно обслуживаются нѣсколько школъ.

Публичная бібліотека въ С. Луи издала въ 1917 г. маленькій проспектъ подъ заглавіемъ „Бібліотека и школа“, въ которомъ очень выпукло формулированы задачи и формы коопераціи между этими двумя категоріями просвѣтительныхъ учрежденій. Сначала изложены общія задачи:

Знакомить дѣтей съ хорошими и полезными книгами.
Научить разумно пользоваться этими книгами.
Пробудить охоту къ чтенію и научнымъ занятіямъ.
Развить соціальные инстинкты.
Воспитать умѣнье держать себя въ публичныхъ мѣстахъ.
Содѣйствовать гражданскому просвѣщенію.

Далѣе указывается „какъ учителя и библіотекари работаютъ совмѣстно“. Это сдѣлано въ видѣ двухъ параллельныхъ столбцовъ.

Что дѣлаетъ учитель.

Если есть публичная библіотека по близости отъ школы:

Рекомендуетъ дѣтямъ записываться въ библіотеку.

Приглашаетъ библіотекаря въ школу.

Указываетъ темы, на которыхъ классъ долженъ собрать матеріалъ въ библіотекѣ.

Заранѣе извѣщаетъ библіотекаря, какія темы назначены классу для работы въ библіотекѣ.

Учитъ школьниковъ бережному обращенію съ книгами и благопристойному поведенію въ библіотекѣ.

Если по близости отъ школы нѣтъ библіотеки:

Заказываетъ въ публичной библіотекѣ передвижную классную библіотеку и рекомендуетъ дѣтямъ брать изъ нея книги на домъ.

Совѣтуетъ дѣтямъ время отъ времени посѣщать центральную

Что дѣлаетъ библіотекарь.

Посѣщаетъ школы, чтобы лучше выяснить потребности каждого класса.

Подбираетъ для занятій цѣлаго класса книги на любую научную тему, которая заранѣе сообщается учителемъ.

Учитъ классъ, какъ пользоваться справочными изданіями, какъ пользоваться каталогомъ, показываетъ, какъ разставлены книги на полкахъ. Просьбы о такихъ объясненіяхъ школьникамъ должны быть заявлены учителями по возможности заблаговременно, передъ началомъ учебнаго года.

По просьбѣ учителя составляетъ списки книгъ общаго характера или на отдѣльныя темы.

По мѣрѣ надобности ведетъ въ школахъ часы разсказа и бесѣды о книгахъ.

Разъ въ недѣлю проводитъ въ библіотекѣ цикловой разсказъ, чтобы пріохотить стар-

библіотеку или одно изъ ближайшихъ филиальныхъ отдѣлений.

Наши учителя работаютъ въ полномъ согласіи съ точкой зрѣнія бібліотеки и часто совѣщаются съ бібліотекарями по вопросамъ, имѣющимъ общій интересъ для тѣхъ и для другихъ.

шихъ дѣтей къ чтенію цѣлыхъ отдѣловъ литературы.

Приглашаетъ учителей посѣщать бібліотеку и высказывать свои пожеланія и соображенія. Стремится вникнуть въ заданія школы и оказать всяческое практическое содѣйствіе.

Сотрудничаетъ со школой также черезъ посредство материнскихъ клубовъ и просвѣдительныхъ обществъ.

Какіе результаты даетъ кооперація бібліотеки со школой, можно видѣть въ любомъ американскомъ городѣ. Возьму для примѣра Бѣффало (Buffalo). Въ 1897 году тамъ было 71.380 дѣтей школьнаго возраста, а общая ассигновка на школьныя бібліотеки изъ городскихъ суммъ составляли лишь 2504 долл., т.-е. по 3 цента (т.-е. по прежнему курсу 6 коп.) въ годъ на каждого школьника. При дороговизнѣ книгъ въ Америкѣ на эти деньги нельзя было создать ничего сколько-нибудь сноснаго.

Съ 1898 года мѣстная публичная бібліотека взяла въ свои руки снабженіе школъ комплектами книгъ. Она начала съ 10 школъ съ 163 классами. Всего имѣлось для разсылки по школамъ 6407 томовъ, а послано было 27.469 томовъ, т.-е. книги обернулись шесть разъ. Съ каждымъ годомъ эти цифры возрастали, и въ 1911 году бібліотека снабжала книгами уже 44 школы съ 861 классомъ, имѣла для школьныхъ бібліотечекъ 37.675 томовъ и разослала 440,211 томовъ.

Интересенъ текстъ обращенія этой бібліотеки къ учащимся, оканчивающимъ начальныя школы:

„Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали ходить въ школу, вы имѣли книги для чтенія, которыя доставлялись школѣ изъ публичной бібліотеки.

„Разставаясь съ школой и ея запасомъ книгъ, вы, однако, не должны лишаться хорошаго чтенія. Если вы будете продолжать дальше ученіе, то вамъ въ помощь къ занятіямъ нужны будутъ книги. Если нѣтъ, то книги еще скорѣе вамъ понадобятся, чтобы пополнять недостающія знанія.

„Образованіе со школой не оканчивается, оно длится всю жизнь, и лучшимъ источникомъ для него служатъ книги.

„Публичная бібліотека бесплатна. Бібліотекари къ вашимъ услугамъ для всякихъ указаній. Записывайтесь же и читайте“.

Такимъ образомъ, бібліотека старается сохранить своихъ читателей-школьниковъ. Многіе изъ нихъ пользуются бібліотекой и непосредственно въ ея „дѣтскихъ комнатахъ“, но все же каждый разъ передъ каникулами бібліотека оповѣщаетъ школы, напоминаетъ о томъ, что существуютъ „дѣтскія комнаты“, гдѣ учащіеся могутъ найти для себя интересныя и полезныя книги.

Отдѣлъ школьныхъ бібліотекъ занимаетъ цѣлый этажъ въ зданіи центральной бібліотеки въ Бѣффало. При немъ устроена „комната для учителей“, гдѣ хранится по одному экземпляру всѣхъ школьныхъ комплектовъ. Педагоги во всякое время могутъ приходить и просматривать книги, а также выбирать рисунки, наклеенные на картонъ.

Публичная бібліотека разсылаетъ также дѣтскія книги въ видѣ „домашнихъ“ бібліотечекъ, т.-е. небольшого комплекта книгъ, который ставится въ домъ какого-нибудь читателя, а онъ можетъ на свою отвѣтственность раздавать книги сосѣдямъ и обязуется лишь собрать ихъ и своевременно возвратить въ бібліотеку.

Посѣтителями „дѣтскихъ комнатъ“ являются не только дѣти, но и взрослые. Общественные дѣятели приходятъ, чтобы ознакомиться съ организаціей дѣтской бібліотеки, какъ просвѣтительнаго учрежденія; родители, воспитатели и педагоги изучаютъ здѣсь дѣтскую литературу, издатели дѣтскихъ книгъ и иллюстраторы черпаютъ здѣсь цѣнный матеріалъ для своей специальности.

Въ двухъ крупнѣйшихъ дѣтскихъ бібліотекахъ—въ Питтсбургѣ и въ Нью-Йоркѣ—имѣются интереснѣйшія коллекціи по исторіи дѣтской книги. Въ нихъ очень обширна также выставка иллюстрированныхъ дѣтскихъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Наибольшей полнотой отличаются собранія французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, за ними слѣдуютъ шведскія и норвежскія. Изъ русскихъ—во многихъ дѣтскихъ комнатахъ вы встрѣтите сказки съ иллюстраціями Билибина. Онѣ всегда стоятъ на полкѣ въ развернутомъ видѣ, чтобы видны были рисунки. Билибинъ очень

популярнѣ. Чтобы пользоваться его иллюстраціями, въ нью-іоркскую бібліотеку часто приходятъ художники, а также... портнихи, которыя комбинируютъ его заставки и орнаменты для стильныхъ отдѣлокъ.

Передъ Рождествомъ во многихъ дѣтскихъ бібліотекахъ устраивается выставка книгъ для подарковъ, а весною—выставка книгъ для лѣтняго чтенія. Это прекрасное подспорье для родителей и воспитателей, потому что книги подобраны очень тщательно, и критеріемъ для выбора служатъ не только теоретическія обоснованія, но и провѣрка, насколько книга нравится дѣтямъ, произведенная въ большой лабораторіи, какою является дѣтская бібліотека.

Конечно, для такого сложнаго дѣла, какъ дѣтская бібліотека, нужны компетентные руководители. Въ Америкѣ вообще отъ бібліотекаря требуется профессиональная подготовка, которую даютъ бібліотечныя школы и бібліотечные курсы. Организациа „дѣтскихъ комнатъ“ и работа съ дѣтьми, а также ознакомленіе съ дѣтской литературой входитъ въ программу всѣхъ бібліотечныхъ школъ. Но существуетъ также специальная школа для дѣтскихъ бібліотекарей при Питтсбургской Публичной бібліотекѣ имени Карнеги.

IX.

Библіотека—соціальная сила.

Упомянутая выше Питтсбургская Публичная Библіотека можетъ служить типичнымъ образомъ современной американской бібліотеки, и потому я нѣсколько остановлюсь на ея описаніи. Было чрезвычайно интересно и въ то же время чрезвычайно трудно создать бібліотечную сѣть въ Питтсбургѣ. Этотъ „железный городъ“ постоянно притягиваетъ къ себѣ волны переселенцевъ, и населеніе на двѣ трети состоитъ изъ „уроженцевъ чужихъ странъ“, „дѣтей уроженцевъ чужихъ странъ“ и негровъ. Согласно переписи 1900 года, въ Питтсбургѣ было 90.000 механиковъ и квалифицированныхъ рабочихъ, 34.000 торговцевъ и служащихъ и 6000 лицъ свободныхъ профессій. Число неграмотныхъ въ томъ же году составляло 6,3%.

Библіотека была основана въ 1895 году по замыслу и на

средства миллиардера Карнеги, который началъ въ Питтсбургѣ свою карьеру, какъ рабочій сталелитейнаго завода. Въ своей автобіографіи Карнеги съ благодарностью вспоминаетъ то время, когда ему и другимъ молодымъ рабочимъ каждую субботу раздавалъ книги изъ своей личной бібліотеки въ четыреста томовъ нѣкій полковникъ Андерсонъ. „Только тотъ, кто самъ это испыталъ“, говоритъ Карнеги, „можетъ понять, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали субботы, чтобы получить новую книгу... И тогда, черпая изъ его сокровищницы знанія, я далъ себѣ слово, что если когда-нибудь разбогачю, то буду устраивать публичныя бібліотеки, чтобы въ свою очередь дать бѣднякамъ тѣ блага, которыми мы были обязаны этому благородному человеку“. Какъ уже говорилось выше, онъ это слово сдержалъ.

Въ частности для Питтсбурга Карнеги пожертвовалъ шесть миллионѣвъ долларовъ на постройку зданій для Центральной бібліотеки и філіальныхъ отдѣленій. Средства на содержаніе бібліотеки даетъ населеніе Питтсбурга путемъ бібліотечнаго налога (о бібліотечномъ налогѣ см. въ главѣ X); кромѣ того, бібліотека получаетъ отъ города ежегодную субсидію.

Топографія города, построеннаго на холмахъ и оврагахъ, затрудняла выработку бібліотечной сѣти. Одна часть города отъ другой нерѣдко отдѣляется скалистой пропастью. Въ такихъ городахъ, какъ Чикаго или Кливлендъ, расположенныхъ на равнинѣ, одинъ центръ книгоснабженія можетъ обслуживать радіусъ въ полмили, а въ Питтсбургѣ изъ-за кручъ и обрывовъ приходилось иногда устраивать на маломъ пространствѣ два—три центра. Учитывая всѣ эти особенности, правленіе бібліотеки вмѣстѣ съ компетентнымъ бібліотекаремъ приступило къ устройству такой бібліотечной сѣти, которая не ограничивалась бы стѣнами бібліотечнаго зданія, а проникала бы въ нѣдра населенія и особенно въ рабочую среду.

Въ настоящее время питтсбургская бібліотека снабжаетъ книгами жителей своего города черезъ посредство Центральной, очень крупной бібліотеки, семи філіальныхъ отдѣленій и 227 выдачныхъ пунктовъ. Центральная бібліотека находится въ огромномъ прекрасномъ зданіи. Половина его отведена подъ музей изящныхъ искусствъ и обширный концертный залъ, гдѣ разъ въ недѣлю устраиваются бесплатные концерты при участіи лучшихъ музыкальныхъ силъ Америки и Европы. Эти учрежденія

обеспечены собственнымъ капиталомъ, также полученнымъ въ даръ отъ Карнеги, и не связаны непосредственно съ библіотекой. Однако, такое сосѣдство благопріятно для библіотеки, потому что помогаетъ установить естественную связь между художественнымъ воспитаніемъ и книгой.

Для непосредственной работы съ публикой Центральная библіотека имѣетъ четыре „департамента“: читальный залъ, залъ технологіи, абонементъ для взрослыхъ и дѣтское отдѣленіе.

Читальный залъ, въ которомъ имѣется около 100 газетъ на различныхъ языкахъ и около 900 общихъ и специальныхъ журналовъ, примѣчателенъ еще своей библіографической работой для помощи читателю. Въ Питтсбургѣ имѣется 25 клубовъ самообразованія, въ которыхъ за годъ проводится не менѣе 750 рефератовъ и лекцій. Въ началѣ осени каждый клубъ издаетъ брошюрку, въ которой помѣщены темы всѣхъ намѣченныхъ на данный годъ рефератовъ. Библіотека не ожидаетъ даже, чтобы къ ней обратились за помощью, а сама принимается подбирать литературу для подготовки ко всѣмъ рефератамъ. Читальный залъ ввѣренъ руководству очень опытнаго лица, миссъ Виллардъ, и у нея четыре помощницы съ высшимъ образованіемъ, какъ и она сама, и съ хорошей библіографической и библіотечной подготовкой.

Когда источники для реферата—книги и журнальныя статьи—подобраны и выписаны на особыя карточки, библіотека извѣщаетъ референта или лектора, что литература для него готова, и ему остается только предупредить по телефону, въ какой день и часъ онъ придетъ, чтобы книги и журналы были приготовлены для него на столѣ. Надо отмѣтить, что подобной предупредительностью къ читателю, занимающемуся научной работой, отличаются всѣ американскія публичныя библіотеки. Мнѣ пришлось видѣть въ началѣ войны, какъ въ бостонской публичной библіотекѣ заботились о журналистахъ. Для нихъ отведена была особая комната съ именными столами. Ежедневно заготавлилась всякая литература, имѣющая отношеніе къ событіямъ, возвѣщеннымъ телеграммами. Такъ, телеграфъ принесъ извѣстіе о событіяхъ въ Бельгіи и о смерти римскаго папы, и уже библіотекою подобрано было все, что имѣлось о Бельгіи и о Ватиканѣ. Кромѣ того, на столахъ ожидали сотрудниковъ газетъ

источники для тѣхъ темъ, связанныхъ съ переживавшимся моментомъ, о которыхъ они должны были писать статьи.

Въ Питтсбургѣ библіографія отдѣльных темъ, подобранная для рефератовъ и лекцій, такъ въ послѣдствіи и хранится въ особыхъ выдвижныхъ ящикахъ для карточекъ. Карточки, относящіяся къ одной темѣ, перевязываются резинкой, и эти пачки классифицируются. Собранный за рядъ лѣтъ библіографическій матеріалъ занимаетъ уже два громадныхъ шкафа съ выдвижными ящиками. Такимъ образомъ, работа питтсбургской библіотеки можетъ быть использована не только въ данный разъ, а и въ будущемъ, когда та же тема будетъ повторяться въ томъ ли городѣ или въ другомъ. Ее лишь дополняютъ новыми матеріалами.

Заломъ технологіи очень усиленно пользуются самыя разнообразныя лица, начиная отъ специалистовъ-инженеровъ и кончая самоучками, которые стремятся къ самообразованію. Питтсбургская библіотека въ одномъ изъ своихъ отчетовъ отмѣчаетъ такой случай: на посудной фабрикѣ служилъ рабочій, имѣвшій склонность къ механикѣ; онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы его перевели въ машинное отдѣленіе, но получилъ отказъ въ виду его „неподготовленности“. Тогда онъ записался въ библіотеку и началъ вести курсъ систематическаго чтенія по механикѣ подъ руководствомъ библіотекаря, завѣдующаго заломъ технологіи. Черезъ три мѣсяца онъ выдержалъ экзаменъ на техника и, перемѣнивъ спеціальность, сталъ не только работать въ той отрасли, которая его особенно интересовала, но и зарабатывать вдвое больше.

Нужно отмѣтить, что выдѣленіе технической литературы въ особый залъ съ хорошо освѣдомленнымъ въ этой литературѣ специалистомъ — явленіе очень распространенное въ американскихъ библіотекахъ, гдѣ стремятся помочь не только общему, но и профессиональному самообразованію. Въ Бруклинѣ въ библіотекѣ института Притта, доступной для широкой публики, въ залѣ технологіи имѣются даже разнообразные приборы, на которыхъ можно производить практическія работы.

Наиболѣе трудной изъ задачъ, которая поставила себя питтсбургская библіотека, было достигнуть широкаго вліянія на рабочія массы и на переселенцевъ-иностранцевъ. Прежде всего она озаботилась тѣмъ, чтобы дать книгу въ руки взрослымъ людямъ всѣхъ классовъ. Не забыты были, между прочимъ, и